

*Посвящается Стелле, моей матери
Моей Шарлотте, красивой и мятежной
Наташе, моей бабушке (1914–2005)*

Господи! Что творит со мной эта страна!
Раз она отрекается от меня, посмотрим на нее
с холодной отстраненностью, посмотрим,
как она потеряет честь и саму жизнь.

Ирен Немировски. Французская сюита, 1942

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи,
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

Уильям Блейк. Песни опыта¹

---

¹ Перевод С. Маршака. (Здесь и далее примеч. перев.)

Предисловие

Когда я писала «Ключ Сары», я и представить себе не могла, до какой степени этот роман перевернет мою жизнь.

Июль 2001 года. Улица Нелатон в Париже. Я впервые отправилась на то место, где проходила облава Вель д'Ив¹. Я чувствовала настоящую потребность увидеть эту улицу. Было жарко и душно, как и в тот черный четверг сорок второго года. Об этой облаве мне было известно немногое — как и большинству французов моего поколения. Я не знала ее ужасных подробностей.

Не знала, что четыре тысячи детей, по большей части французов, были арестованы вместе с родителями и помещены французскими властями сюда, в совершенно бесчеловечные условия.

Не знала, что эти дети в возрасте от двух до двенадцати лет будут несколькими днями позже оторваны от родителей — все той же французской полицией.

---

¹ *Облава Вель д'Ив* — так называют крупнейшую серию массовых арестов евреев во Франции во время Второй мировой войны. 16 и 17 июля 1942 года в Париже и его предместьях было арестовано более 13 тысяч человек, более трети из них составляли дети. Большинство впоследствии были убиты, менее сотни человек выжили. Изначально они были помещены в Вель д'Ив (сокращение от Велодром д'Ивер — Зимний велодром).

Не знала, что эти дети будут отправлены на французских поездах в лагерь смерти, откуда ни один из них не вернется.

Не знала, что на месте Зимнего велодрома теперь стоит здание министерства.

В тот день я ощутила глубокую печаль. Я начала собирать сведения о 16 июля 1942 года. Сначала в Интернете, потом стала искать по книжным магазинам. Но большинство интересующих меня изданий уже были распроданы. Это усилило мою боль. Кому хотелось вспоминать о Вель д'Ив?

В Дранси¹, несмотря на Мемориал, обитатели сохранившихся с той поры домов не знали, что живут там, где располагался лагерь «Ла Мюэтт». Одна женщина призналась мне, что плохо спит. Вот она знала. В Бон-ла-Роланде², где детей разлучили с родителями, на месте бывшего лагеря была построена школа. Маленький вокзал превратился в развлекательный центр. Никто ни о чем не помнил. Или не хотел помнить. На улицах Марэ³ я смотрела на старинные здания и думала о том раннем утре 16 июля 1942 года.

У четырех тысяч детей Вель д'Ив были лица моих собственных детей, племянников и племянниц.

Идея этой книги пришла мне в образе маленькой девочки, носившей желтую звезду. Я с самого начала знала, что ее зовут Сара. Потом я придумала американскую журналистку, которая пытается восстановить истину и в результате раскрывает семейную тайну шестидесятилетней давности.

---

¹ Город в 10 км от Парижа, где нацистами был устроен концентрационный лагерь в жилом комплексе «Ла Мюэтт», задуманном архитекторами как недорогое коммунальное жилье.

² Небольшой город в ста километрах от Парижа.

³ Респектабельный район Парижа, считается средоточием еврейской диаспоры.

Мне было сложно опубликовать эту книгу, к тому же написанную на моем родном языке. Пришлось прикрыться моей английской «ипостасью», чтобы напомнить об этих мрачных страницах французской истории. На протяжении пяти лет все отказывались от рукописи. Страницы прошлого вызывали неловкость. Как и сам сюжет. Я оставила Сару в недрах своего компьютера. Элоиза д'Ормессон и Жиль Коэн-Солаль, с которыми я познакомилась в 2005 году, поверили в мой роман и опубликовали его в 2007-м.

Я написала «Ключ Сары» не для того, чтобы кого-то судить. Я написала этот роман, чтобы люди вспомнили об ужасе, который происходил в двадцати минутах ходьбы от дома, где я живу, в моем городе, в моей стране, теперь уже семьдесят лет назад.

Это новое издание посвящается двум моим «Сарам» — Сюзи Коэн и Арлетте Тестиер, уцелевшим в облаве Вель д'Ив.

Встреча с ними и их дружба озарили мою жизнь.

Татьяна де Ронэ
Париж, 28 сентября 2012 г.

Введение

Все персонажи романа полностью вымышлены.

А вот некоторые из описанных событий — нет, а именно те, которые произошли летом 1942 года в период Оккупации, особенно облава Вель д'Ив, имевшая место 16 июля 1942 года в самом сердце Парижа.

Эта книга — не труд историка и не претендует им быть.

Это дань памяти детям Вель д'Ив, которых никто больше не видел.

И дань уважения тем, кто выжил и рассказал.

Париж, июль 1942 г.

*Д*евочка первой услышала сильный стук в дверь. Ее комната находилась ближе других к входной двери. Спросонок она подумала, что это отец поднялся из подвала, где он прятался, но, наверное, забыл ключи, а поскольку его робкого стука никто не услышал, принялся стучать сильнее. Но вскоре в тишине ночи раздались громкие грубые голоса. Это был не отец. «Полиция! Откройте! Немедленно!» В дверь барабанили изо всех сил. Удары отзывались в теле девочки дрожью, пробиравшей до самых костей. Младший брат, спавший рядом, беспокойно заворочался в кровати. «Полиция! Откройте! Откройте!» Который теперь час? Она бросила взгляд в проем между шторами. Было еще темно.

Ей стало страшно. Она вспомнила о разговорах, о ночных спорах вполголоса родителей, думавших, что она спит. Но она все слышала. Она подбиралась поближе к двери в гостиную и через маленькую щелку смотрела на них и слушала. До нее доносился нервный голос отца. Она видела тревогу на лице матери. Они говорили на родном языке, девочка все понимала, хотя сама изъяснялась с трудом. Отец очень тихо сказал, что настают тяжелые времена. Нужно набраться

мужества и быть очень осторожными. Он произносил странные, незнакомые слова: «лагерь», «облава», «арест», и девочка спрашивала себя, что бы это могло значить. Отец все так же тихо добавил, что опасность грозит только мужчинам, а женщинам и детям бояться нечего, поэтому он каждый вечер будет прятаться.

На следующее утро он объяснил дочери, что некоторое время ему придется спать в подвале, так спокойнее. Пока всё не «придет в порядок». Что «всё»? — подумала она. «Прийти в порядок» — на самом деле это как? И когда это случится? Ее мучило желание спросить у него, что означают эти странные подслушанные слова: «лагерь», «облава». Но тогда пришлось бы признаться, что она за ними шпионила, спрятавшись за дверь, причем не раз. Она так и не посмела.

«Откройте! Полиция!»

А вдруг полиция нашла Папу в подвале? Вдруг они для того и пришли, чтобы отвести Папу туда, о чем он говорил ночью, в эти самые «лагеря», которые находятся где-то за городом?

Малышка на цыпочках поспешила в спальню матери на другом конце коридора. Почувствовав руку дочери на своем плече, та мгновенно проснулась.

«Это полиция, Мама, — прошептала девочка, — они очень сильно стучат в дверь».

Мать спустила ноги с кровати и отбросила волосы, упавшие ей на глаза. Девочке она показалась уставшей и постаревшей, гораздо старше ее тридцати лет.

«Они пришли забрать Папу? — молящим голосом спросила она, цепляясь в руку матери. — Они здесь из-за него, да?»

Мать не ответила. С лестничной площадки опять донеслись громкие голоса. Мать быстро накинула халат, потом взяла дочь за руку и пошла к двери. Рука у нее была горячая и влажная. «Как у ребенка», — подумала девочка.

— Да? — робко сказала мать, не трогая замок.

Мужской голос выкрикнул ее фамилию.

— Да, месье, это я. — К ней вдруг вернулся прежний акцент, сильный, почти режущий слух.

— Немедленно откройте. Полиция.

Мать поднесла руку к горлу. Девочка заметила, что мать очень бледная. Она как будто застыла, заледенела и была не в силах шевельнуться. Никогда еще девочка не видела такого страха на лице матери. Она почувствовала, что и у нее во рту все пересохло от тревоги.

Люди с той стороны стукнули еще раз. Мать дрожащей, неловкой рукой открыла дверь. Девочка задрожала, ожидая увидеть серо-зеленые мундиры.

На пороге стояли двое мужчин. Полицейский в большой каскетке и темно-синей накидке, спускающейся ниже колен, и мужчина в бежевом плаще. У второго в руке был список. Он повторил фамилию матери. Потом отца. Он прекрасно говорил по-французски. «Значит, нам нечего бояться, — подумала девочка. — Раз они французы, а не немцы, опасности нет. Французы не делают нам ничего плохого».

Мать прижала дочку к себе. Малышка слышала, как колотится ее сердце. Она была гото-

ва оттолкнуть мать, чтобы та держалась прямо, а не съезживалась, и смотрела на мужчин с уверенностью и чтобы ее сердце не трепыхалось, как перепуганный зверек. Ей хотелось, чтобы мать была смелой.

— Моего мужа... нет, — пролепетала мать. — Я не знаю, где он. Я не знаю.

Мужчина в бежевом плаще отстранил ее и прошел в квартиру.

— Поторопитесь, мадам. Даю вам десять минут. Соберите какие-нибудь вещи на два-три дня.

Мать не двинулась с места. В полной растерянности она смотрела на полицейского. Тот остался стоять на лестничной площадке, спиной загораживая выход. Он казался усталым и безразличным. Она тронула его за темно-синий обшлаг.

— Месье, прошу вас... — начала она.

Полицейский убрал руку и отвернулся, бросив на мать жесткий равнодушный взгляд.

— Вы слышали? Вы пойдете с нами. Вы и ваша дочь. Делайте, что вам говорят.

Париж, май 2002 г.

Бертран, по обыкновению, опаздывал. Я старалась не особенно переживать, но у меня не получалось. Зоэ, устав, прислонилась к стене. Бывало, я невольно улыбалась, видя, как она похожа на отца. Но не сегодня. Я подняла глаза на старинное здание. Дом Мамэ. Бывшая квартира бабушки Бертрана. Туда мы собирались перебраться. Скоро мы покинем бульвар Монпарнас с его вечным автомобильным шумом, постоянным мельканием карет «скорой помощи», едущих в соседние больницы, с его кафе, ресторанами, и обоснуемся на этой узкой спокойной улице на правом берегу Сены.

Я не очень хорошо знала квартал Марэ, но восхищалась его увядшей прелестью былых времен. Радовалась ли я предстоящему переезду? Не уверена. Но Бертран не особо интересовался моим мнением. По правде говоря, мы это почти не обсуждали. В привычном своем стиле он все решил сам. Без меня.

— Вон он, — сказала Зоэ. — И опоздал всего-то на полчаса.

Мы увидели, как он идет к нам своей небрежной, чувственной походкой. Темноволосый, худощавый, сексуальный до предела. Воплощение французского архетипа. Как всегда, он говорил

по телефону. Отстав на несколько шагов, за ним следовал его компаньон. Антуан, краснолицый бородач. Их контора расположена на улице Аркад, сразу за площадью Мадлен. Бертран уже давно, задолго до нашей женитьбы, работал в архитектурном бюро, но пять лет назад создал вместе с Антуаном свое собственное.

Бертран помахал нам рукой, потом ткнул пальцем в телефон и нахмурился, выражая досаду.

— Как будто он не может повесить трубку! — усмехнулась Зоэ. — Ну конечно!

Зоэ было всего одиннадцать, но иногда складывалось впечатление, что перед тобой уже подросток. Во-первых, она на голову переросла своих подружек — «и лапы соответствующие», ворчливо добавляла она, — а еще она проявляла проницательность, от которой у меня перехватывало дыхание. Было что-то взрослое в торжественной сосредоточенности взгляда ее ореховых глаз, в том, как она задумчиво вздергивала подбородок. И такой она была всегда, даже в раннем детстве. Спокойной, зрелой, может быть, чересчур зрелой для ее возраста.

Антуан подошел поздороваться, пока Бертран продолжал телефонные переговоры, достаточно громко, чтобы никто на улице не упустил ни слова, размахивая руками, все больше гримасничая и то и дело поворачиваясь к нам, чтобы удостовериться, что мы следим за ним во все глаза.

— Проблемы с архитектором, — пояснил Антуан с легкой улыбкой.

— Конкурент? — спросила Зоэ.

— Ну да, конкурент.

Зоэ вздохнула:

— Значит, мы можем промариноваться здесь целый день!

У меня появилась мысль.

— Антуан, а у тебя, случайно, нет ключей от квартиры мадам Тезак?

— Конечно есть, Джулия, — сказал он, расплываясь в улыбке. Антуан всегда отвечал мне по-английски, хотя я обращалась к нему на французском. Полагаю, он делал это из любезности, хотя на самом деле меня это раздражало: получалось, что, несмотря на все прошедшие годы, мой французский по-прежнему слабоват.

Антуан победно взмахнул ключами. Мы решили подняться пока втроем. Зоэ проворно набрала код. Пройдя через прохладный, заросший зеленью двор, мы подошли к лифту.

— Терпеть не могу этот лифт, — сказала Зоэ. — Папа должен что-нибудь с ним сделать.

— Дорогая, он собирается перестроить квартиру твоей прабабушки, а не дом, — заметила я.

— Ну и что, хорошо бы и дом, — заметила она.

Пока мы ждали лифт, мой мобильник издал мелодию из «Звездных Войн». Я посмотрела на высветившийся номер. Джошуа, мой шеф.

Я сняла трубку:

— Мм?

Джошуа был краток и точен. Как всегда.

— Ты мне нужна в три часа. Закрываем июльский номер!

— *Gee whiz!*¹ — сказала я довольно нахально. Услышала фырканье на том конце, и Джошуа повесил трубку. Он обожал, когда я говорила

---

¹ Ни фиги себе! Черт подери! (англ.)

«gee whiz». Может, вспоминал молодость. А вот Антуана, похоже, мои устарелые американизмы забавляли. Я так и представляла себе, как он пытается их воспроизвести со своим французским акцентом.

Лифт был из тех, что встречаются только в Париже, — с крошечной кабиной, коваными железными решетками и деревянной двухстворчатой дверью, которая неизбежно утыкалась вам в физиономию. Прижатая к Зоэ и Антуану — который явно переборщил со своим одеколоном от Эрме, — я мельком глянула на себя в зеркало, пока мы поднимались. Вид у меня был такой же разбитый, как у старого скрипучего лифта. Что случилось с юной и свежей красоткой из Бостона, штат Массачусетс? Глядящая на меня женщина уже достигла красной зоны, той, что находится между сорока пятью и пятьюдесятью годами, *no man's land*¹, — с ее обвисшей кожей, глубокими морщинами и неотвратимым приближением менопаузы.

— Я тоже ненавижу этот лифт, — мрачно сказала я.

Зоэ улыбнулась и ущипнула меня за щеку:

— Мам, даже Гвинет Пэлтроу была бы похожа на зомби в этом зеркале.

Я не смогла удержаться от улыбки. Типичное дочкино замечание.

---

¹ Ничейная земля (англ.).

Мать заплакала, сначала тихонько, потом все сильнее и сильнее. Девочка растерянно смотрела на нее. За свои десять лет она ни разу не видела, чтобы мать плакала. В горестном изумлении она наблюдала, как слезы прокладывают след на ее бледном искаженном лице. Она хотела попросить ее не плакать, ей было невыносимо стыдно, что мать шмыгает носом перед этими странными людьми. Но оба мужчины не обращали на ее слезы никакого внимания. Они велели ей потопрапливаться. Время поджимало.

В спальне по-прежнему крепко спал ее младший брат.

— Но куда вы нас ведете? — взмолилась мать. — Моя дочь француженка, она родилась в Париже, почему вы забираете ее тоже? Куда вы нас ведете?

Оба мужчины молчали. Они смотрели на нее сверху вниз, огромные и грозные. У матери в глазах стоял ужас. Она пошла в свою комнату и упала на кровать. Через несколько мгновений она выпрямилась и посмотрела на дочь. С застывшим, как маска, лицом она проговорила на одном дыхании:

— Разбуди брата. Оденьтесь оба. Возьми какую-нибудь одежду для вас обоих. Торопись, торопись, ступай!

Брат онемел от страха, заметив мужчин в приотворенную дверь. Он посмотрел на мать — та, полуодетая, рыдала, хватая какие-то вещи. Собрал в кулак все силенки четырехлетнего мальчика и отказался двигаться. Сестра попыталась его уговорить, ласково поглаживая. Все было напрасно. Он уперся, стоя неподвижно и скрестив руки на груди.

Девочка скинула ночную рубашку, схватила хлопчатобумажную блузку, юбку. Надела башмаки. Брат следил за ней, не шевелясь. Из своей комнаты они слышали, как плакала мать.

— Я спрячусь в наш тайник, — пробормотал он.

— Нет! — приказала сестра. — Ты пойдешь с нами, так надо!

Она схватила его, но он вырвался и скользнул в длинный глубокий шкаф, встроенный в стену. Туда, где они обычно играли в прятки. Они всегда укрывались там, задвигая створки изнутри. Это был их маленький домик. Папа и Мама прекрасно знали о тайнике, но делали вид, будто не ведают. Они выкликали их имена прекрасными звонкими голосами.

«Да куда же подевались эти дети? Как странно, ведь минуту назад они были здесь!»

А они с братом хихикали от удовольствия.

В этом шкафу они держали фонарик, книги и даже графин с водой, Мама наполняла его каждый день. Брат еще не умел читать, и сестра читала ему вслух. Он любил слушать книжку «Добрый маленький чертенок»¹. Ему очень нра-

---

¹ Сказка графини де Сегюр (1799–1874) — французской детской писательницы русского происхождения.

вилась история про сироту Шарля и ужасную мадам Мак'Миш и как Шарль мстил ей за все ее жестокости. Сестра перечитывала книжку без конца.

Девочка посмотрела на брата, чье лицо маячило в темноте. Он вцепился в своего любимого плюшевого медвежонка, и ему было уже не так страшно. В конце концов, наверно, здесь он будет в безопасности. У него есть вода и фонарик. Он станет рассматривать картинки в книге графини де Сегюр, иллюстрации к его самой любимой истории про чудесную месть Шарля. Может, будет лучше, если она пока оставит его здесь. Те люди ни за что его не найдут. А она придет за ним позже, днем, когда ей разрешат вернуться. И папа, если поднимется из подвала, будет знать, где прячется его мальчик.

— Тебе там страшно? — спросила она мягко, слыша, что ее уже зовут те мужчины.

— Нет, — сказал он. — Мне не страшно. Закрой меня. Они меня не схватят.

Она задвинула створку, повернула в замке ключ. Положила его себе в карман. Замочная скважина была спрятана за фальшивым вращающимся выключателем. Невозможно было угадать контуры шкафа в стенной панели. Да, брат будет в безопасности. Она уверена.

Девочка в последний раз прошептала имя брата и приложила ладонь к дереву:

— Я вернусь позже. Обещаю.

Мы зашли в квартиру, ощупью отыскивая выключатели. Света не было. Антуан отворил пару ставней. В квартиру проникло солнце. В комнатах было пыльно и пусто. Без мебели гостиная казалась огромной. Золотистые лучи падали наискось в высокие грязные окна, выписывая световые узоры на темных плашках пола.

Я оглядела комнату: пустые полки, прямоугольные следы на стенах, там, где когда-то висели прекрасные картины, мраморный камин, в котором на моей памяти зимой горел такой уютный огонь и Мамэ подходила к нему погреть свои изящные белые руки.

Я подошла к окну и посмотрела на тихий зеленый двор. Порадовалась, что Мамэ покинула квартиру, не увидев своего пустого дома. Ее бы это потрясло. Это и меня потрясло.

— Здесь еще пахнет, как Мамэ, — сказала Зоэ. — «Шалимаром»¹.

— А еще этой ужасной Минет, — добавила я, затыкая нос. Минет была последним домашним питомцем Мамэ. Сиамская кошка, страдающая недержанием.

Антуан бросил на меня удивленный взгляд.

---

¹ «Шалимар» — духи от парфюмерного дома «Герлен».

— Кот, — пояснила я по-английски. Разумеется, я знала, как будет женский род от слова «кот», но знала и другое значение этого слова по-французски¹. А услышать, как Антуан прыскает в ответ на некую сомнительную двусмысленность, было последним, чего мне в данный момент хотелось.

Антуан окинул все вокруг профессиональным взглядом.

— Электричество больше не соответствует нормам, — заметил он, указывая на старые фарфоровые пробки. — Отопление тоже антикварное.

Огромные радиаторы были черными от окалин и чешуйчатými, как змеиная кожа, если не больше.

— Погоди, ты еще не видел кухню и ванную, — сказала я.

— У ванны ножки в форме львиных лап, — добавила Зоэ. — Мне будет жалко, если ее поменяют.

Антуан обследовал стены, слегка их выстукивая.

— Думаю, вы с Бертраном хотите все обновить? — предположил он, глядя на меня.

Я пожала плечами:

— Не имею представления, чего он в точности хочет. Это была его идея перебраться сюда. Я не горела желанием. Мне хотелось чего-нибудь... более практичного. Чего-нибудь поновее.

Антуан улыбнулся:

— Но здесь все будет новым, когда мы закончим.

---

¹ «Кошка» по-французски имеет второе значение, как и русская «киска».

— Возможно. Но для меня это всегда будет квартира Мамэ.

Отпечаток Мамэ лежал здесь на всем, хотя сама она вот уже девять месяцев как переехала в дом для престарелых. Когда-то на меня произвели сильное впечатление старинные картины, мраморный камин, на котором стояли семейные фотографии в серебряных рамках, мебель, прекрасная своей элегантною и сдержанною простотою, множество книг на полках в библиотеке, кабинетный рояль, покрытый роскошным алым бархатом. Ярко освещенная гостиная выходила в тихий внутренний двор, его противоположная стена была густо увита плющом. Именно в этой комнате я увидела ее в первый раз, неловко протянула руку, еще не освоившись с тем, что моя сестра называла «французскою манией целоваться».

Парижанкам не пожимают руку, даже в первый момент знакомства. Их расцеловывают в обе щеки.

Но тогда я этого еще не знала.

Ронэ Т. де

Р 71 Ключ Сары : роман / Татьяна де Ронэ ; пер. с фр. Р. Генкиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 416 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-20746-2

Татьяна де Ронэ — англо-французская писательница, сценарист, журналист и литературный критик, произведения которой переведены на многие языки мира и изданы миллионными тиражами. Но самый громкий ее успех связан с романом «Ключ Сары» и одноименным фильмом, обошедшим мировые экраны.

Париж, июль 1942 года: Сара Старзински десять лет. Вместе с родителями и младшим братом она живет в квартале Марэ. Мать нашивает ей на пальто желтую звезду, что означает проклятие и гибель. Ночью за ними приходит полиция. В панике Сара запирает младшего брата в стенном шкафу, пообещав вскоре вернуться.

Париж, май 2002 года: Джулии Джармонд, американской журналистке, вышедшей замуж за француза, поручено написать об очередной годовщине облавы на евреев, которых нацисты собрали на стадионе Вель д'Ив. И вот ее путь пересекается с историей Сары, девочки, которая до самой смерти хранила таинственный ключ, и это навсегда изменит жизнь Джулии. Куда же приведет долг памяти эту молодую женщину, нечаянно разворошившую темные страницы нацистской оккупации?

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ТАТЬЯНА ДЕ РОНЭ
КЛЮЧ САРЫ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редактор Елена Леонова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Маргарита Ахметова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.01.2022. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 18,33.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

V-MBB-29650-01-R